

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

B42

B439

ПОЛИЦИЯ

Так продрукають ПРАЗДНИК

СУДЬБА ИЗ ДЕЖУРНОЙ ЧАСТИ

Екатерина Мордвинцева
Как профукать праздник.
Судьба из дежурной части

<https://litres.ru/74211563>

Аннотация

В канун Нового года у Даши порезали сумку прямо по дороге в аэропорт. Документы, билеты, деньги — всё исчезло. Подруги улетели без неё, а она осталась ждать полицию. И встретила Алексея — участкового, который стал её единственным якорем в этом хаосе. Но пока Даша пытается наладить жизнь с чистого листа, над океаном бесследно исчезает самолёт. Тот самый. В котором летели её близкие...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	24
Глава 2	42
Глава 3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Пролог

Я часто потом думала: можно ли почувствовать надвигающуюся беду? Есть ли у неё запах, вкус, звук? Может, она крадётся по пятам, тихо дышит в затылок, а мы не оборачиваемся, потому что слишком заняты своими маленькими радостями. В тот вечер в кафе я была счастлива. По-настоящему, беззаботно, по-глупому счастлива. Мы сидели за нашим любимым столиком у окна — я, Маша, Крис, Лера, Женя, Инга. Шесть подруг, которые знали друг о друге всё или почти всё. Ещё двое должны были подъехать с минуты на минуту. Запотевшие стёкла, аромат корицы и апельсина, приглушённый джаз из колонок. За окном кружился первый снег — крупный, ленивый, обещающий праздник. Мы даже не подозревали, что этот снег станет для кого-то последним.

— Ну так что решать будем? — Маша от нетерпения подёргивала ногой, словно не могла усидеть на месте от волнения и ожидания. Её каштановые волосы были собраны в высокий хвост, и он смешно подскакивал в такт движениям.

Я откинулась на спинку стула, наблюдая за подругами с лёгкой улыбкой. Мы собирались в таком составе уже третий раз за неделю, и каждый раз упирались в одно и то же: куда, когда и почём. Но в этом и заключалось удовольствие — в самом процессе, в спорах, в предвкушении. Мы сидели, погружённые в атмосферу приятного ожидания, за чашечкой

ароматного и вкусного кофе, обсуждая множество планов на захватывающее празднование нового года.

— Я бы с удовольствием дома осталась, — с вечно недовольным лицом произнесла Крис, отпивая из своей чашки этот ароматный напиток, со звоном и лёгким шорохом поставив чашку на стол, создавая этим мгновение тишины. Её светлые брови сошлись на переносице, словно сама идея куда-то ехать вызывала у неё физическую боль.

— Кто бы сомневался, — залихватистый смех Леры, как мелодичный звон колокольчиков, разнёсся по всему заведению, привлекая внимание окружающих. Она откинулась назад, демонстративно закатив глаза. — Тебя вечно никуда не вытащишь.

— Не правда! — губы блондинки возмущённо надулись, словно она пыталась выразить все свои эмоции одним жестом. — Просто я реалистка. Зачем лететь на другой конец света, чтобы там сидеть в таком же кафе, только с видом на пальмы?

— Девчат, хватит! — недовольно насупилась Маша, устав от их бесконечных и порой не очень серьёзных препирательств. Она даже ладонью припечатала столешницу, заставляя чашки жалобно звякнуть. — До нового года осталось чуть меньше месяца. Если мы не хотим дома тухнуть, надо поторопиться. И так уже вряд ли билеты куда-то найдём, что не может не огорчать.

— Это точно, — глубокий вздох Инги был больше похож

на пыхтение кипящего чайника, который вот-вот закипит, чем на просто вздох. Она сидела, подперев щёку рукой, и лениво крутила телефон на столе. — И так уже неделю думаем.

— У кого какие предложения? — Маша вновь, полная решимости, взяла инициативу в свои руки и попыталась даже направить их дискуссию в нужное русло.

— Я на море хочу, к солнышку, — мечтательно закатила глазки к потолку Женька, представляя себе, как весело будет загорать под тёплым солнцем. Её рыжие волосы рассыпались по плечам, и в них запутались блики от гирлянды, которую бармен повесил над барной стойкой.

— Размечталась! — в очередной раз осадила её Инга с лёгкой улыбкой, достала свой телефон и быстро начала в нём что-то искать среди множества приложений и сообщений. — Так... — она водила пальчиком по экрану, задумчиво на него глядя, погружаясь в свои мысли. — Спешу вас огорчить: максимум, куда нам светит, так это только на какую-нибудь базу отдыха, что совсем не радует.

— Не хочу я на базу отдыха! — Градова поправила свои непослушные огненные локоны, как будто собиралась обдумать свои претензии. — Скучно там, и ни о каком веселье не может быть и речи!

— О! — неожиданно оживилась Инга, словно ей пришла в голову гениальная идея. Она выпрямилась, глаза загорелись азартом. — Есть горящий тур! Вылет двадцать пятого ночью, и это отличная возможность!

— И куда? — Кристина немного отодвинулась в сторону, позволив появившемуся официанту поставить перед ней тарелку с ароматным жареным мясом. Тут же манящий и непередаваемый аромат разнёсся вокруг, и девушки оживились, словно они только что вошли в мир быстрого и вкусного обеда, одна лишь Инга продолжала сосредоточенно возиться в своём телефоне.

— Так куда? — повертев в руке вилку, блондинка отодвинула от себя тарелку, уставившись на подругу с надеждой и любопытством.

— Потом сюрприз будет, — Инга подмигнула остальным, запустив в воздух лёгкую интригу.

— Нет-нет-нет! — не унималась Крис с настойчивостью, как будто находилась в важной игре. — Как минимум я должна знать, что с собой брать, чтобы всё было готово.

— Трусиками, бусиками и денег побольше, — в голос расходоталась Валерия, создав тем самым расслабленное настроение.

— Ну я серьёзно! — протянула Фролова, обидевшись на шутку.

— Да ладно тебе, не обижайся, — расплылась в широкой улыбке Инга, всё-таки озвучив название хоть и не совсем популярного, но достаточно хорошего курортного городка на море. — Ну что, все согласны?

— Согласны или нет, возражения не принимаются! Празднуем новый год под яркими лучами солнца! — доволь-

но постановила Дегтярева и подняла свою чашку с фруктовым чаем, полная надежды и радости. — За новогоднее приключение!

— За лучший новый год! — поддержали её подруги, подняв свои чашки, как будто делая тост за их дружбу и невероятные планы.

Я тогда подняла свою кружку с капучино и улыбнулась. Внутри всё трепетало от предвкушения. Я даже не заметила, как моя улыбка стала шире обычного. Женька поймала мой взгляд и подмигнула, и я почувствовала, как тепло разливается по груди. Мы едем на море. Мы едем все вместе. Это будет лучший Новый год в моей жизни.

Как же глупо звучат эти слова сейчас.

Дни после той встречи в кафе промелькнули с пугающей быстротой. Я помню их как набор разрозненных картинок, каждая из которых пропитана суетой и предвкушением. Я покупала чемодан — ярко-синий, чтобы не перепутать в багаже. Долго выбирала купальник в интернет-магазине, спорила с Лерой по видеосвязи, отдельный или слитный. В итоге взяла два. Упаковывала кремы, солнцезащитные спреи, лёгкие платья, которые в нашем заснеженном городе казались чем-то из параллельной реальности. Я даже купила новогоднюю мишуру, чтобы повесить её в номере отеля — мы договорились, что каждая привезёт что-то своё, и у нас будет свой маленький праздник посреди лета.

Инга создала общий чат под названием «Новогодний де-

сант», и мы обсуждали там всё: от меню на ужин 31 декабря до того, кто с кем будет жить в номере. Я должна была делить комнату с Женей и Кристиной. Мы уже мысленно расселились, распределили, кто какой пляж занимает, даже придумали хештег для совместных фото — #НовыйГодНаМоре2024.

Помню, как за три дня до вылета я сидела на работе и вместо отчёта смотрела прогноз погоды в том самом курортном городке. Тридцать градусов, солнце, лёгкий бриз. За окном моего офиса мела метель, и от мысли, что через три дня я буду ходить по тёплому песку, кружилась голова.

Я даже представить не могла, что этот песок мне не суждено увидеть.

Двадцать четвёртое декабря началось обычно — и в то же время совершенно необычно. Я проснулась за час до будильника, словно какой-то внутренний голос торопил меня. За окном было ещё темно, но фонари заливали двор оранжевым светом, и снег искрился, как рассыпанные бриллианты. Я включила гирлянду, которую повесила на окно ещё в начале декабря, и комнату наполнили уютные разноцветные огоньки.

Чемодан был собран ещё с вечера — я проверила его раз десять, наверное. Документы лежали в отдельном органайзере, который я сунула в сумку вместе с кошельком и телефоном. Сумка была у меня новая — кожаная, на длинном ремешке, тёмно-бордовая. Я купила её специально для поезд-

ки, чтобы было удобно в ручной клади. И даже тогда, выходя из дома, я подумала: какая же она красивая. И подумала: надо держать её поближе к себе, в аэропорту всегда толкучка.

Выехала я с запасом, хотя путь до аэропорта занимал обычно около часа. Маша, которая всегда и всех торопила, написала в общий чат: «Выходим! Встречаемся у входа через полтора часа». Женька скинула смеющийся смайлик и фото своего чемодана, обмотанного яркой лентой, чтобы не потерять. Лера пожаловалась, что забыла зарядить пауэрбанк. Кристина написала короткое: «Еду. Ольга со мной». Мы все знали, что Ольга присоединяется к нашей компании в последний момент, потому что её муж смог отпустить её только сейчас, и билеты она купила буквально вчера. Они с Кристиной должны были приехать вместе.

Инга не писала. Инга вообще последние дни была странно молчалива, и когда я спросила её об этом в личке, она ответила односложно: «Работа. Потом».

Я не придавала этому значения. Я вообще многому не придавала значения.

Таксист, пожилой мужчина с усами, оказался разговорчивым. Он спросил, лечу ли я к родственникам, и я радостно ответила, что лечу с подругами на море. Он улыбнулся, пожелал хорошего отдыха, а на прощание сказал: «Счастливого пути». Я кивнула, вылезла из машины, втянула чемодан на тротуар и огляделась. Здание аэропорта сияло огнями, огромная ёлка у входа сверкала гирляндами, и отовсюду

доносилась приглушённая музыка. Внутри было тепло, пахло кофе и пластиком, и эта смесь показалась мне вдруг невероятно уютной.

Я вошла в зал вылета и сразу увидела их. Маша махала мне рукой, Женя с Лерой стояли у стоек с багажом, а Кристина с Ольгой ещё не подошли. Я покатила чемодан к подругам, чувствуя, как внутри нарастает волнение. Сейчас мы сдадим багаж, пройдём регистрацию, сядем в самолёт, и через несколько часов будем там, где нет снега, где океан шумит в темноте, а завтра утром мы проснёмся и побежим к воде.

— Дашка! — Женя обняла меня, и от неё пахло её любимыми духами с нотами ванили и сандала. — Ты как?

— Отлично, — выдохнула я. — Волнуюсь только.

— Все волнуются, — Лера поправила ремешок своей сумочки и кивнула на табло. — Наш рейс ещё даже не объявили. Есть время.

Мы встали в небольшой очереди, ожидая, когда откроется стойка регистрации. Я достала телефон, чтобы написать Инге — хотела спросить, как у неё дела, почему она не приехала, ведь мы договаривались встретиться в аэропорту. Но вместо её сообщения увидела входящий видеозвонок. Инга.

Я нажала «принять», и на экране появилось её лицо — уставшее, с кругами под глазами, и почему-то невероятно грустное. За её спиной виднелся офисный стол, заваленный бумагами.

— Инга! Ты где? — я постаралась, чтобы голос звучал бодро. — Мы уже в аэропорту, сейчас регистрация начнётся.

Она вздохнула. Этот вздох был тяжёлым, как будто она несла на плечах невидимый груз.

— Я не лечу, Даш.

Слова упали в тишину. Я даже не сразу поняла, что услышала.

— Как не летишь? — переспросила я, и голос мой дрогнул. — У нас же билеты, мы всё купили...

— Босс оказался гадом, — она горько усмехнулась. — Помнишь, я говорила, что мне нужны документы, которые он должен был подписать? Так вот, он их не подписал. Сказал, что подпишет только двадцать пятого, потому что ему нужно «вникнуть». И если я не принесу их вовремя в понедельник... — она не закончила, только махнула рукой. — В общем, я не полечу. Документы важнее.

Я открыла рот, чтобы возразить, но она перебила:

— Не надо. Я уже всё решила. Вы летите, веселитесь там за меня. Хорошо?

— Инга...

— Даш, правда, всё нормально. Я обижена, зла, но что поделать. Вы там отдыхайте, а я потом догоню, если получится. Ладно?

Я кивнула, чувствуя, как к горлу подступает комок. Она была главной заводилой всей этой поездки, именно она нашла тур, уговорила всех, организовала. И вот теперь она

остаётся.

— Мы без тебя не полетим, — вырвалось у меня, но я тут же поняла, что это ложь. Мы полетим. Потому что билеты куплены, потому что все уже здесь, потому что... потому что так надо.

— Полетите, — твёрдо сказала Инга. — Ещё раз — не смейте портить себе отдых из-за меня. Всё, у меня перерыв заканчивается. Позвоните, когда прилетите. И передавай всем привет.

Она отключилась, и я осталась стоять с телефоном в руке, чувствуя странную пустоту.

— Что случилось? — Маша подошла ко мне, обеспокоенно заглядывая в глаза.

— Инга не летит. Начальник не отпустил.

Маша выругалась — тихо, но с чувством. Потом вздохнула, сжала мою руку.

— Жалко, конечно. Но что поделать. Она сама сказала лететь?

— Сказала.

— Значит, летим. У неё свои причины.

Я хотела ответить, что это нечестно, что мы не можем просто так взять и улететь, зная, что одна из нас осталась в этом заснеженном городе одна, но в этот момент раздался звонок у Леры, потом у Жени. Я не сразу поняла, что происходит, но по лицам подруг увидела: что-то не так.

— Девчонки в аварию попали, — Лера произнесла это

медленно, словно не веря своим словам. — Кристина и Ольга.

Мир покачнулся. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног, и схватилась за стойку.

— Как? — выдохнула я. — Они... с ними всё в порядке?

Лера уже набирала номер, говорила что-то быстрым, сбивчивым голосом. Женя стояла белая как мел. Маша пыталась что-то выяснить по телефону. Я слышала обрывки фраз: «скорая», «больница», «лёгкие ушибы», «сотрясение». Мир вокруг распадался на куски, и я не могла собрать их воедино.

Лера сбросила вызов и повернулась к нам. Её глаза блеснули.

— Они живы. Кристина в больнице, сотрясение. Ольга отделалась ушибами, её уже отпустили. Ольга сейчас с Кристиной.

— Надо к ним! — я рванула с места, но Маша схватила меня за руку.

— Стой. Они сказали — не надо. Кристину осмотрят и отпустят. Ольга с ней. Они сами сказали, чтобы мы летели.

— Как можно лететь, когда они в больнице?!

— Даш, — Маша говорила твёрдо, но в её голосе слышалась дрожь. — Ты им ничем не поможешь. Там Ольга, она всё организует. А у нас билеты, самолёт. Что мы сделаем, если останемся? Будем сидеть в приёмном покое и мешать?

Она была права. Или мне тогда казалось, что она права. Я не знаю. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: мы все иска-

ли оправдания, чтобы не чувствовать себя предателями. Мы хотели верить, что сделать правильный выбор — это улететь. Потому что слишком долго готовились, потому что слишком сильно ждали.

Объявили начало посадки на наш рейс. Голос диспетчера разнёсся по залу, и мы, как по команде, потянулись к стойке регистрации.

Я подошла к стойке последней. Подруги уже сдавали багаж, сотрудница в синей форме быстро и ловко наклеивала бирки. Я встала в очередь, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Я всё ещё думала об Инге, о Кристине, об Ольге. Я переживала, что всё пошло не так. Но где-то глубоко внутри ещё теплилась надежда: они догонят, всё наладится, мы будем вместе. Обязательно.

— Девушка, ваши документы, — сотрудница взглянула на меня с лёгким нетерпением.

Я улыбнулась, полезла в сумку. Органайзер с документами, кошелёк, телефон. Всё на месте.

Я открыла сумку, ища привычный прямоугольник паспорта.

Сумка была пуста.

Нет, не так. В ней были какие-то мелочи — помада, ключи, наушники. Но не было документов. Не было кошелька. Не было билета.

Я сунула руку глубже. Мои пальцы нащупали не гладкую кожу органайзера, а что-то острое, неровное. Я вытащила ру-

ку и посмотрела на сумку.

Боковой шов был разрезан. Аккуратно, профессионально, лезвием. Прорезь в несколько сантиметров, через которую можно было вытащить всё, что лежало внутри.

— Ой... — вырвалось у меня. — Обокрали.

Я повернулась к подругам, но они уже отошли дальше, к зоне досмотра. Маша обернулась на мой возглас и рванула ко мне, но сотрудница аэропорта, словно стена, перегородила ей путь.

— Девушка, проходите, не задерживайте! — подтолкнула она Машу вперёд, не позволяя терять драгоценное время.

— Но у нас там подруга, — возмутилась Маша, чувствуя, как недовольство нарастает.

— Не волнуйтесь. Разберёмся, — произнесла сотрудница, но её слова звучали только как пустое обещание. — Проходите.

Я смотрела, как подруги исчезают за лентой. Женя оглянулась, крикнула что-то, но слова утонули в шуме аэропорта. Лера махнула рукой, показывая, что они будут ждать. Маша стояла в нерешительности, но сотрудница уже подталкивала её к рамкам металлоискателя.

А я осталась.

С пустой сумкой, без документов, без денег, без билета.

Я стояла у стойки регистрации и смотрела, как подруги уходят всё дальше. Их фигуры мелькали среди толпы, растворялись, и вот уже только смутные силуэты, и вот уже ни-

кого.

Сотрудница что-то говорила мне, но я не слышала. Она протянула какой-то бланк, сказала что-то про полицию, про заявление. Я кивнула, не понимая, зачем киваю.

Потом я сидела на пластиковом стуле в углу зала, держа на коленях злополучную сумку. Разрез зиял, как открытая рана. Я смотрела на него и не могла поверить. Когда это произошло? В толпе? Когда я заходила? Когда поднимала чемодан на ленту? Я не помнила. Я вообще ничего не помнила. В голове была вата.

Я достала телефон. Общий чат «Новогодний десант» молчал. Я написала: «Меня обокрали. Я не лечу». Сообщение повисло непрочитанным — подружки уже прошли на посадку, наверное, сдали телефоны. Или просто не смотрели.

Я набрала номер полиции. Голос в трубке был сухим, официальным. Назвали время ожидания. Я сказала, что подожду.

И ждала.

Сидела, смотрела на табло, где напротив нашего рейса загорелось «ПОСАДКА». Потом «ИДЁТ ПОСАДКА». Потом «РЕГИСТРАЦИЯ ЗАКРЫТА».

Я смотрела на стеклянную стену, за которой виднелось лётное поле. Самолёты — большие, белые, с разноцветными хвостами — стояли на рулёжных дорожках, готовились к взлёту. Я пыталась угадать, какой из них наш. Тот, что должен был унести меня к морю, к солнцу, к празднику.

Вдруг один из лайнеров начал разгоняться. Он катился по полосе всё быстрее, быстрее, и вот уже оторвался от земли, тяжело, нехотя, словно не хотел отпускать землю. Я смотрела, как он поднимается, как уходит в облака, как огни на его крыльях мерцают в сером небе. И чувствовала, как внутри что-то обрывается.

Там, на борту, были мои подруги. Маша, Женя, Лера. Те, с кем мы планировали этот отпуск, с кем пили кофе в кафе, с кем спорили о купальниках и обсуждали прогноз погоды. Они улетали. А я оставалась.

И впервые за этот час я заплакала. Не от обиды, не от жалости к себе. А от какого-то странного, ледяного предчувствия, которое заползло в грудь и сжало сердце ледяными пальцами.

Я сидела в шумном, оживлённом зале аэропорта, а вокруг текла своя жизнь: люди спешили на рейсы, обнимались, смеялись, пили кофе, говорили по телефону. И никто из них не знал, что я сейчас чувствую себя так, будто стою на краю пропасти. Будто мир разделился на «до» и «после», и эта черта — вот она, прямо здесь, в разрезанной сумке, в улетающем самолёте, в тишине телефона, где никто не отвечает.

— Девушка? Девушка, вы меня слышите?

Голос пробился сквозь пелену. Я подняла голову.

Передо мной стоял молодой мужчина в полицейской форме. Высокий, плечистый, с короткими тёмными волосами и усталыми глазами. Не то чтобы уставшими — скорее при-

выкшими видеть чужую боль. В них была какая-то спокойная, твёрдая внимательность. Он смотрел на меня так, будто я была для него не очередным пунктом в отчёте, а человеком.

— Вы вызывали полицию? — спросил он. Голос у него был низкий, ровный, без той официальной сухости, которую я слышала в трубке.

Я кивнула, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. Пластиковый стул жалобно скрипнул, когда я попыталась выпрямиться.

— Да, это я. Меня обокрали. Сумку порезали. Документы, деньги, билет на самолёт — всё.

Он присел на корточки передо мной, оказавшись почти на одном уровне. Так делают, когда говорят с детьми или с теми, кто находится в шоке. Я вдруг поняла, что, наверное, выгляжу именно так — потерянная, растерянная, на грани истерики.

— Меня зовут Алексей, — сказал он. — Я сейчас оформлю заявление. Вы не против, если я сяду рядом?

Я мотнула головой, и он опустился на соседний стул, вытаскивая из планшета какой-то бланк. Движения у него были неторопливые, спокойные, и это спокойствие странным образом передавалось мне. Я перестала дрожать. По крайней мере, перестала так заметно дрожать.

— Расскажите, что случилось, — попросил он. — По порядку.

Я начала рассказывать. О том, как мы приехали в аэропорт, как подруги ушли на регистрацию, как я подошла последней. О том, как полезла в сумку и нашла порез. О том, как сотрудница не пустила подруг, как они улетели без меня. Говорила я сбивчиво, перескакивая с одного на другое, и он не перебивал, только изредка задавал уточняющие вопросы: «Во сколько это было?», «Вы не заметили, когда это могло произойти?», «В сумке были ещё какие-то ценные вещи?».

Я отвечала, и постепенно голос становился твёрже, мысли — яснее. Он заполнял бланк, иногда поглядывая на меня. И в этих взглядах не было ни жалости, ни профессионального безразличия. Было что-то ещё. Что-то, что я тогда не смогла определить, но что запомнила навсегда.

— Вам нужно восстановить документы, — сказал он, когда я закончила. — Я помогу с горячей линией, сейчас это можно сделать быстро. Что касается билета — обратитесь в авиакомпанию. С заявлением о краже деньги вам вернут.

Я кивнула, хотя мысль о том, что надо куда-то идти, кому-то звонить, что-то восстанавливать, казалась непосильной.

— А пока... — он замялся, потом спросил: — У вас есть где переночевать? Вы не местная, я правильно понимаю?

— Я... я должна была лететь на отдых. С подругами. А они улетели. У меня здесь никого.

Я сказала это, и вдруг осознала всю глубину своего одиночества. Я в чужом городе, без денег, без документов, без кры-

ши над головой. И те, кто могли бы помочь, сейчас в небе, на пути к морю, о котором я так мечтала.

— В полиции при аэропорте есть комната для ожидания, — сказал Алексей. — Не пятизвёздочный отель, но переночевать можно. Там тепло, есть чай. А завтра решите, что делать дальше.

Я посмотрела на него. Он говорил это без тени снисхождения, просто констатируя факт.

— Спасибо, — выдавила я.

Он помог мне подняться, подхватил мой чемодан — синий, яркий, такой нелепый сейчас. Я взяла в руки разрезанную сумку, и он заметил это, но ничего не сказал.

Мы пошли через зал. Я бросила последний взгляд на стеклянную стену, где на взлётной полосе уже не было самолёта — только пустое серое небо и полоса, уходящая в никуда. Там, за облаками, летели мои подруги. И я вдруг поймала себя на странной мысли: я осталась. Я осталась здесь, на земле, в этом шумном, чужом, но почему-то не враждебном месте. И кто-то остался со мной.

Алексей шёл впереди, и его широкая спина в тёмно-синей форме казалась мне самым надёжным ориентиром в этом обезумевшем мире.

Мы вышли в коридор, где было тише. Он пропустил меня вперёд, и наши взгляды встретились.

— Всё будет хорошо, — сказал он, и в его голосе не было фальши. Просто уверенность человека, который видел мно-

гое и знал, что даже самые чёрные ночи заканчиваются рассветом.

Я хотела ответить, но слова застряли в горле. Вместо этого я кивнула и сделала шаг. В ту комнату ожидания. В ту ночь. В ту новую жизнь, о которой ещё не подозревала.

А за моей спиной, в огромном стеклянном зале, табло продолжало отсчитывать рейсы. Прилёты, вылеты, задержки. И ни одной строчки о том, что через несколько часов самолёт, на котором улетели мои подруги, исчезнет с радаров, растворится в океане, станет одной из тех новостей, которые начинаются со слов «по предварительным данным» и заканчиваются многоточием.

Я не знала этого тогда. Я не знала, что мой Новый год, который я так ждала, превратится в ожидание чуда, которого, возможно, не случится. Я не знала, что мужчина в полицейской форме станет для меня не просто следователем по делу о краже, а чем-то гораздо большим. Я не знала ничего.

Я знала только одно: я осталась. И это «осталась» было одновременно и проклятием, и спасением.

Мы шли по длинному коридору, и эхо наших шагов разносилось под высокими сводами. Чемодонько катился за мной, издавая монотонный звук. Сумка с порезом болталась на плече, напоминая о том, что я потеряла. А впереди ждала ночь в полицейском участке, пластиковый стул, чай в бумажном стакане и разговоры с незнакомым человеком, который смотрел на меня так, будто я была не просто очередным за-

явлением, а историей, которую ему хотелось узнать до конца.

Я не знала, что это начало. Начало всего.

И если бы кто-то сказал мне тогда, что ровно через год я буду стоять в том же аэропорту, держать за руку этого самого полицейского и смотреть на табло, где никогда больше не появится тот рейс, я бы не поверила.

Но это случится позже.

А пока — была ночь. Была тишина. Был разрез на сумке, который казался мне разрезом на собственной жизни.

И был он. Алексей. Полицейский из дежурной части аэропорта. Мой случайный спаситель. Моя опора в этом рухнувшем мире.

Тогда я ещё не знала его имени. Я узнаю его через несколько минут, когда он представится, протягивая мне стакан с чаем.

Глава 1

Комната полиции при аэропорту оказалась совсем не такой, как я себе представляла. В моём воображении рисовались голые стены, бетонный пол, железная кровать с тощим матрасом и запах дешёвого табака. Наверное, я пересмотрела слишком много сериалов.

На самом деле это было небольшое, но чистое помещение с двумя кушетками, застеленными свежим бельём, деревянным столом, парой стульев и даже маленьким холодильником в углу. На окнах — решётки, но за ними уже темнело зимнее небо, и редкие снежинки бились в стекло, словно просились внутрь, к теплу и свету.

— Располагайтесь, — Алексей поставил мой чемодан у входа и жестом указал на одну из кушеток. — Это не «Хилтон», конечно, но переночевать можно. Здесь обычно родственников размещают, когда ждут прилёта или вылета, иногда свидетелей. Чисто, я проследил.

— Спасибо, — выдавила я, чувствуя, как горло сдавливают спазм. Я не знала, от чего хочу плакать больше — от пережитого стресса, от неожиданной доброты этого незнакомого человека или оттого, что я вообще здесь оказалась.

— Я сейчас, — он вышел, оставив дверь приоткрытой. Я осталась одна посреди этой странной тишины. В коридоре гудели лампы дневного света, где-то далеко объявляли

очередной рейс, и этот приглушённый гул создавал ощущение, что я нахожусь внутри огромного механизма, который продолжает работать, несмотря на то, что одна из его шестерёнок — я — вылетела и теперь бессмысленно лежит в стороне.

Я опустилась на кушетку. Пальцы всё ещё дрожали, когда я провела ими по краю разрезанной сумки. Кожа была разрезана чисто, профессионально — одним движением лезвия. Я даже не почувствовала. В голове снова и снова прокручивался момент, когда я стояла у стойки регистрации, смотрела, как подруги уходят, и не понимала, что происходит. А потом эта пустота в сумке. Пустота, которая оказалась такой огромной, что, казалось, в ней могло уместиться всё моё будущее.

Дверь скрипнула, и Алексей вернулся. В руках он держал два бумажных стакана и маленький пакет.

— Вот, — он протянул мне один стакан. — Чай. Не знаю, какой вы любите, но у нас только чёрный, без добавок. Сахар есть, я положил два пакетика рядом. И печенье — это уже моё личное, не из казённых запасов.

Я взяла стакан, и тепло разлилось по ладоням. Поднесла к лицу — запах был простой, без изысков, но почему-то именно сейчас он казался самым уютным ароматом на свете.

— Спасибо, — повторила я, и этот раз прозвучало чуть твёрже.

Он сел на стул напротив, поставив свой стакан на стол.

В свете лампы я разглядела его получше. Лет тридцати, может, чуть больше. Тёмные волосы коротко стрижены, на лице — лёгкая небритость, которая скорее добавляла ему мужественности, чем выглядела неопрятно. Глаза — серые, с тёмными кругами под ними, словно он не спал несколько ночей. Но в этих глазах не было равнодушия. Сейчас, в тишине этой маленькой комнаты, они смотрели на меня с такой внимательностью, что мне стало немного не по себе. Не от страха, а оттого, что я вдруг почувствовала себя... замеченной.

— Вы как себя чувствуете? — спросил он. — Голова не кружится? Шока нет?

— Я... наверное, есть небольшой шок, — призналась я, делая глоток чая. Жидкость обожгла губы, но это было даже приятно. — Всё как-то слишком быстро случилось. Ещё утром я собирала чемодан, радовалась... А сейчас сижу здесь.

— Это нормально. Организм так защищается. — Он достал из кармана планшет, открыл какой-то файл. — Давайте займёмся документами. Вы говорили, что у вас украли паспорт?

— Внутренний и загранпаспорт, — кивнула я. — Они лежали в органайзере. Вместе с билетом, деньгами, картами...

— Хорошо. Сейчас я позвоню в паспортно-визовую службу, они работают круглосуточно в режиме горячей линии для таких случаев. Восстановление внутреннего паспорта займёт время, но можно получить временное удостоверение лично-

сти, чтобы вы могли хотя бы заселиться в гостиницу, купить билет на поезд или самолёт, если решите вернуться домой.

— Домой, — повторила я, и это слово прозвучало странно. Домой — это куда? В город, где я живу? Но я не хотела возвращаться. Вернее, я не знала, хочу ли. Всё, что я планировала, всё, чего ждала, было там, в том самолёте, который улетел без меня. Возвращаться домой означало признать, что праздник отменён. Что Новый год я встречу в пустой квартире, с телефоном в руке, слушая, как подружки рассказывают о море.

— Или, — добавил Алексей, словно прочитав мои мысли, — вы можете остаться здесь, отдохнуть, привести мысли в порядок. Аэропорт — не самое плохое место, чтобы переждать праздники. Здесь всегда есть жизнь.

Я посмотрела на него с удивлением. Обычно полицейские не предлагают задержавшимся пассажирам «отдохнуть и привести мысли в порядок». Они оформляют заявление и идут дальше по своим делам.

— Вы часто так делаете? — спросила я. — Оставляете свой номер, приносите чай, помогаете с документами?

Он усмехнулся — уголки губ дрогнули, и на мгновение лицо потеряло свою суровую серьёзность.

— Не часто. — Он помолчал, потом добавил: — Но иногда бывают ситуации, когда просто не можешь пройти мимо. У меня есть сестра, примерно вашего возраста. И если бы она оказалась в чужом городе, без денег, без документов, од-

на... я бы хотел, чтобы кто-то помог ей так же.

Я почувствовала, как к горлу снова подступает комок. Отвернулась, сделав вид, что рассматриваю рисунок на бумажном стакане. Не хватало ещё разреветься перед незнакомым мужчиной в полицейской форме.

— Давайте займёмся документами, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он кивнул, достал телефон и начал набирать номер. Я слышала, как он разговаривает с оператором — чётко, коротко, называет мои данные, которые я успела сообщить ему в зале: фамилия, имя, дата рождения, серия и номер паспорта (спасибо, что я помнила его наизусть, хоть и не знала зачем). Он говорил что-то про кражу, про экстренную ситуацию, про то, что девушка одна, в чужом городе, перед праздниками.

Я слушала его голос — низкий, спокойный, и этот голос странным образом действовал на меня успокаивающе. Как тёплое одеяло, в которое кутаешься холодной зимней ночью. Я вдруг поймала себя на мысли, что если бы не он, я бы сейчас сидела где-нибудь в зале ожидания, на жёстком пластиковом стуле, и смотрела, как люди проходят к стойкам регистрации, как обнимаются при встрече, как смеются дети. Я была бы одной из тех неприкаянных фигур, которых все видят, но никто не замечает.

— Всё, — Алексей отключился и повернулся ко мне. — Заявление принято. Временное удостоверение можно будет

получить завтра утром в отделении по адресу, который я вам скину. С паспортом сложнее — восстановление займёт около десяти дней, но вы можете подать заявление и в своём городе, если решите вернуться.

— Спасибо, — в третий раз за вечер сказала я, чувствуя, что это слово уже почти потеряло смысл.

Он помолчал, глядя на меня, потом спросил:

— А как ваши подруги? Вы пробовали им дозвониться?

Я схватилась за телефон, который лежал рядом на кушетке. Я совсем забыла о нём в этой круговерти. Экран загорелся — несколько пропущенных от Инги, сообщение от Кристины в общем чате: «Мы в порядке, отпустили, сидим с Ольгой. Как вы?». И тишина от тех, кто улетел.

— Они уже в воздухе, — сказала я, глядя на часы. — Вылет был полтора часа назад. Сейчас они над океаном, наверное.

— Над океаном? — переспросил он. — Вы далеко летели?

— На море. Курортный городок. Мы планировали встретить там Новый год. — Я усмехнулась собственной горькой шутке. — Теперь они встретят, а я... я буду здесь.

Алексей ничего не сказал. Он просто смотрел на меня, и в его взгляде не было жалости — только тихое понимание. И это было страшнее любой жалости, потому что я вдруг поняла: он знает, что такое остаться. Не просто опоздать на рейс, не просто потерять документы. А остаться по-настоящему, когда твой мир улетает без тебя, и ты не знаешь, догонишь

ли когда-нибудь.

— Может, они уже приземлились, — предположила я, хотя знала, что это невозможно. Перелёт занимал почти девять часов, они должны были быть в пути ещё долго. — Или у них ещё не включили телефоны.

— Позвоните им утром, — посоветовал он. — Сейчас они отдыхают, набираются сил. А вам нужно выспаться.

Я кивнула, хотя спать совсем не хотелось. Тело гудело от усталости, но мысли метались, как звери в клетке, не давая покоя. Я снова посмотрела на телефон. Общий чат молчал. Инга прислала ещё одно сообщение: «Даш, ты где? Ты в порядке?». Я написала коротко: «В полиции. Восстанавливаю документы. Не лечу. Позвоню позже». Отправила и убрала телефон.

— А вы? — спросила я, чтобы нарушить тишину. — Вы здесь работаете? В аэропорту?

— Транспортная полиция, — кивнул он. — Участок при аэропорте. Дежурю сегодня.

— И часто вы дежурите в канун Нового года?

— Достаточно часто. — Он сделал глоток чая, и я заметила, что его стакан почти пуст. — Кто-то должен работать, пока другие отдыхают.

— И вы не обижаетесь? Что приходится работать в праздники?

— Привык. — Он пожал плечами. — Да и какой это праздник, если честно? Новый год — это просто дата. Мож-

но отпраздновать и позже. Главное, чтобы все были живы и здоровы.

Я задумалась над его словами. «Главное, чтобы все были живы и здоровы». Как просто звучит. И как же часто мы забываем об этом, когда гоняемся за билетами на море, за идеальными купальниками, за новогодним настроением.

— Вы правы, — тихо сказала я. — Наверное, я слишком много значения придавала этому отпуску. Думала, что если мы не встретим Новый год на море, то он будет испорчен. А на самом деле...

— А на самом деле он всё равно наступит, — закончил за меня Алексей. — И будет таким, каким вы его сделаете. Даже если вы будете встречать его в этой комнате. Или в хостеле. Или где-то ещё.

Я посмотрела на него с удивлением. Этот полицейский, который приехал оформлять кражу, вдруг оказался философом. Или просто человеком, который видел слишком много, чтобы принимать жизнь всерьёз.

— Вы всегда такой? — спросила я, и в моём голосе прозвучала лёгкая усмешка. — Утешаете потерянных девушек в новогоднюю ночь?

Он улыбнулся — на этот раз шире, и улыбка преобразила его лицо, сделав почти мальчишеским.

— Не всегда. Только тех, у кого в сумке лежит новенький ярко-синий чемодан и купальник, который так и не пригодится.

Я рассмеялась — негромко, но искренне. Первый раз за этот бесконечный день.

— Откуда вы знаете про купальник?

— Угадал. — Он поднялся со стула. — Ладно, мне пора возвращаться на пост. Если что — я оставлю дверь открытой, здесь безопасно. Завтра зайду утром, отвезу вас в отделение за документами.

— Вы не обязаны...

— Я знаю. — Он уже стоял в дверях, и свет из коридора падал на его лицо, делая черты резкими, почти скульптурными. — Но я обещал. И потом, мне всё равно завтра рано утром заступать. Так что это не проблема.

Он вышел, и я осталась одна.

Тишина комнаты вдруг стала оглушающей. Я слышала, как тикают часы на стене — большие, круглые, с секундной стрелкой, которая двигалась с механическим упорством. Слышала, как где-то в здании хлопают двери, как проезжает тележка уборщика. Слышала своё дыхание — прерывистое, неровное.

Я легла на кушетку, не раздеваясь. Простыни пахли чем-то нейтральным, больничным, но чистым. Я натянула тонкое одеяло до подбородка и уставилась в потолок. Мысли кружились, как снежинки за окном, и никак не хотели успокаиваться.

Инга. Кристина. Ольга. Маша, Женя, Лера. Шесть имён, которые были моим миром. Четыре из них сейчас в небе, две

— в городе, в больнице или уже дома. А я здесь, в комнате полиции при аэропорту, с разрезанной сумкой и пустыми карманами.

Я взяла телефон, чтобы позвонить подругам, но рука замерла. Что я скажу? «Привет, я в полиции, меня обокрали, я не лечу»? Они уже знают. И они ничего не могут сделать. Они в самолёте, над океаном, и до посадки ещё восемь часов. Мои слова не долетят до них. А если и долетят — что изменится?

Я набрала номер Маши. Гудки. Один, второй, третий. Потом — тишина. Связь прервалась. Я попробовала Женю — то же самое. Лера не отвечала. Я написала в общий чат: «Девочки, я в порядке. Не волнуйтесь. Завтра позвоню». Сообщение ушло, но галочки остались серыми — непрочитанными.

Телефон выпал из руки, и я закрыла глаза. В ушах всё ещё звучал голос Алексея — низкий, спокойный, обещающий, что всё будет хорошо. Я цеплялась за этот голос, как за спасательный круг, и постепенно напряжение отпускало, мышцы расслаблялись, и сознание погружалось в тёплую, вязкую темноту.

Я проснулась от того, что кто-то осторожно тронул меня за плечо.

— Даша? — голос Алексея был тихим, чтобы не напугать.
— Утро уже.

Я открыла глаза. Свет в комнате был серым, зимним, про-

бывающим сквозь решётки на окнах. Где-то далеко объявляли первый утренний рейс.

— Который час? — прохрипела я, садясь на кушетке.

— Семь утра. Я принёс кофе. И там, в отделении, уже всё готово, чтобы выдать вам временное удостоверение. — Он поставил на стол новый бумажный стакан и небольшой пакет. — Там бутерброды. Я не знал, что вы любите, взял с сыром и ветчиной.

Я смотрела на него заспанными глазами и не могла поверить. Этот человек, который даже не знал меня, который просто приехал на вызов, — он принёс мне завтрак. Он помнил. Он проснулся раньше, чтобы успеть.

— Вы... вы не должны были, — пробормотала я, чувствуя, как краска заливает щёки.

— Должен, не должен, — он пожал плечами, но в глазах его мелькнуло что-то тёплое. — Ешьте, пока не остыло. Потом поедем.

Я взяла бутерброд и откусила. Хлеб был свежим, сыр таял на языке, и это было так вкусно, что я чуть не заплакала. Когда в последний раз я ела? Вчера утром, кажется. Или в обед? Я уже не помнила.

— Спасибо, — сказала я, прожевав. — Вы спасаете меня второй раз за ночь.

— Считайте это новогодним подарком, — он улыбнулся. — У меня в этом году не так много поводов дарить подарки, а тут вы.

Я улыбнулась в ответ. Улыбнулась по-настоящему, впервые за эти сутки. И вдруг подумала: а ведь этот Новый год, который я так старательно профукала, возможно, только начинается. И кто знает, что он принесёт?

Мы вышли из здания полиции через служебный вход. На улице было холодно, снег скрипел под ногами, и утреннее небо над аэропортом было бледно-голубым, почти прозрачным. Алексей подвёл меня к невзрачной серой машине с синими полосами, открыл дверь.

— Садитесь, я включу печку.

Я села на пассажирское сиденье, положив сумку на колени. Чемодан Алексей загрузил в багажник. Машина пахла кожей и кофе — наверное, он пил его всю ночь.

— А вы спали? — спросила я, когда он сел за руль.

— Немного, — он завёл двигатель. — На посту есть кресло, можно вздремнуть.

— И вы всё равно встали раньше, чтобы помочь мне.

— Давайте без этого, — он посмотрел на меня, и в его взгляде было что-то, отчего моё сердце сделало странный кульбит. — Я просто делаю свою работу. И немного больше.

Он вырулил со служебной парковки и направился к выезду из аэропорта. Я смотрела в окно на здание терминала, которое медленно удалялось, становясь всё меньше и меньше. Там, внутри, вчера я стояла у стойки регистрации и верила, что моя жизнь только начинается. А сейчас я уезжала, и казалось, что вместе со мной уезжает что-то важное, что-то,

что я оставила там, навсегда.

— Вам нравится ваша работа? — спросила я, чтобы отвлечься.

— Нравится, — ответил он не задумываясь. — Иногда тяжело, иногда бессмысленно, но... когда удаётся кому-то помочь, это того стоит.

— А часто вы помогаете?

— По-разному. Кто-то теряет вещи, кто-то — людей. Кто-то теряет себя. — Он сделал паузу. — Но всех, кого теряют, можно найти. Если искать.

Я посмотрела на его профиль. Свет утреннего солнца падал на его лицо, и я видела, как он щурится, следя за дорогой. У него были хорошие руки — сильные, с длинными пальцами, спокойно лежащие на руле. И эти руки сегодня утром принесли мне кофе и бутерброды.

— А вы? — спросила я. — Вы теряли кого-то?

Он промолчал несколько секунд, и я уже пожалела, что спросила. Но потом ответил:

— Терял. Нашёл не всех.

В машине повисла тишина, но это была не неловкая тишина. Это было молчание двух людей, которые понимают друг друга без слов. Я вдруг почувствовала, что этот незнакомый полицейский, который подобрал меня в аэропорту, как бездомного котёнка, знает о жизни что-то, что мне ещё только предстоит узнать. И почему-то мне захотелось, чтобы он остался рядом. Хотя бы на время.

Отделение, куда мы приехали, находилось в десяти минутах езды от аэропорта. Небольшое серое здание, вывеска, несколько машин на стоянке. Алексей припарковался, заглушил двигатель.

— Я схожу с вами, — сказал он. — У меня здесь есть знакомые, так что всё пройдёт быстро.

Мы вошли внутрь. В коридоре пахло казённым уютом — хлоркой, бумагой, старым деревом. Алексей кивнул дежурному, что-то сказал, и нас провели в кабинет, где женщина в очках уже держала в руках бумаги с моими данными.

— Даша? — она посмотрела на меня поверх очков. — Временное удостоверение готово. Действительно в течение десяти дней, этого должно хватить, чтобы вы вернулись домой и восстановили паспорт.

Я взяла бумажку — тонкий лист с печатью, на котором значилось моё имя, фотография (откуда она у них взялась? Наверное, из базы данных), и надпись «Временное удостоверение личности». Это был самый странный документ в моей жизни. И самый ценный.

— Спасибо, — сказала я, и женщина понимающе кивнула. Алексей подождал меня в коридоре. Когда я вышла, он спросил:

— Теперь куда? В хостел?

Я кивнула. Вчера вечером, когда он предложил варианты, я попросила его найти какой-нибудь недорогой хостел поблизости. Он нашёл — что-то в паре километров от аэро-

порта, в жилом районе.

— Я отвезу, — сказал он, и я снова села в машину.

Дорога заняла несколько минут. Хостел оказался обычной трёхэтажкой, переделанной под гостиницу для транзитных пассажиров. На первом этаже — маленькая стойка, за которой сидела сонная администраторша, и запах свежего кофе.

— Я всё оплатил на двое суток, — сказал Алексей, когда мы вошли. — Этого хватит, чтобы вы пришли в себя и решились, что делать дальше.

Я обернулась к нему, чувствуя, как внутри всё замирает.

— Вы не должны были. Я... я верну, как только восстановлю карты, обещаю.

— Не надо. — Он покачал головой. — Считайте это... я не знаю. Просто примите как подарок. Тем более что Новый год на носу.

Я стояла в маленьком холле хостела, держа в руках временное удостоверение, разрезанную сумку и чувствуя себя так, будто оказалась в другой вселенной. Вчера я была туристкой, которая летит на море с подругами. Сегодня я — девушка, которую обокрали, которую спас полицейский, и у которой есть два дня в хостеле, чтобы понять, что делать с жизнью.

— Спасибо, — в сотый раз сказала я, и это слово уже не казалось мне пустым. — Я... я даже не знаю, как вас благодарить.

— Не надо благодарить, — он достал из кармана визитку

и протянул мне. — Вот мой номер. Если что-то понадобится — звоните. Если решите улететь — я помогу с документами. Если просто будет нужен совет... тоже звоните.

Я взяла визитку. На ней было написано: «Алексей Воронов, старший лейтенант полиции», и номер телефона. Простая белая карточка, которая вдруг показалась мне самым ценным предметом в этом мире.

— Я позвоню, — сказала я. — Если... если понадобится.

— Надеюсь, что не понадобится, — он улыбнулся, но в глазах его мелькнуло что-то, что противоречило этим словам. — Но всё равно звоните.

Он развернулся и пошёл к выходу. Я смотрела ему вслед, и в груди росло странное, щемящее чувство. Он открыл дверь, и холодный воздух ворвался в холл, закружив снежинки.

— Алексей! — окликнула я, сама не зная зачем.

Он обернулся.

— С наступающим, — сказала я. — Спасибо вам.

Он кивнул, и дверь закрылась за ним.

Я осталась стоять с визиткой в руке, слушая, как где-то наверху работает телевизор, как администраторша шуршит бумагами, как за окном шумит ветер. И вдруг поняла, что впервые за эти сутки я не чувствую себя одинокой. Потому что где-то там, в сером утреннем городе, есть человек, который знает мой номер, моё имя, мою историю. И который сказал: «Звоните».

Я посмотрела на визитку, потом на телефон. Общий чат

молчал. Подруги всё ещё в небе. Я написала им короткое сообщение: «Девочки, я в хостеле. Всё хорошо. Жду ваших новостей. Люблю вас». Отправила.

Потом набрала номер Инги. Она ответила сразу, словно ждала.

— Дашка! Ты где?! Мы тут с ума сходим! Кристина говорит, что ты не полетела, что тебя обокрали! Это правда?

— Правда, — я опустилась на диванчик в холле, чувствуя, как усталость наваливается с новой силой. — Но всё в порядке. Документы восстановила. Живу в хостеле. Полицейский помог.

— Полицейский? — в голосе Инги прозвучало удивление. — Какой полицейский?

— Который приехал на вызов. Он... он хороший. Помог с документами, отвёз в хостел, номер оставил.

— Номер? — Инга явно услышала что-то, чего я не хотела выдавать. — Дашка, ты там смотри, не влюбись в первого встречного.

— Не влюблюсь, — сказала я, но почему-то вспомнила его серые глаза и усталую улыбку. — Не в кого.

— Ладно, — Инга вздохнула. — Ты как, держишься?

— Держусь. Как вы? Как Кристина?

— Всё нормально. Кристину уже выписали, они с Ольгой дома. Встретим Новый год вместе. Без тебя, конечно, но... может, ты вернёшься?

— Не знаю, — честно ответила я. — Я ещё не решила.

— Решай. И звони, если что. Мы здесь.

— Хорошо. Пока.

Я отключилась и посмотрела на визитку, которую всё ещё сжимала в руке. Алексей Воронов. Старший лейтенант. Номер телефона.

Я убрала визитку в карман куртки, поднялась на второй этаж, нашла свою комнату — маленькую, но чистую, с узкой кроватью, тумбочкой и окном, выходящим во двор. Сбросила куртку, легла, не раздеваясь, и уставилась в потолок.

За окном начинался новый день. Последние дни уходящего года. Года, который я провожала с надеждой на море, солнце и приключения. А встретила — в хостеле, с разрезанной сумкой и телефоном, на который никто не отвечал.

Но где-то в кармане лежала визитка. И на ней был номер. Номер человека, который сказал: «Звоните».

Я закрыла глаза и, сама не зная почему, улыбнулась.

Первый раз за этот день — по-настоящему.

Глава 2

Я проснулась от того, что кто-то громко говорил за стеной. Голос был мужским, низким, но слов я не разбирала — только интонации, которые казались мне то ли встревоженными, то ли просто громкими. В хостеле всегда так: стены тонкие, соседи шумные, а тишина — редкая гостья.

Сначала я не поняла, где нахожусь. Серый свет падал из окна, за которым виднелась стена соседнего дома, чья-то антенна и кусок бледного неба. Потолок был низким, белым, с трещиной, идущей от люстры к углу. Комната пахла чужим жильём — стиральным порошком, дешёвым освежителем воздуха и ещё чем-то неуловимым, что всегда остаётся после других людей.

Вчерашний день обрушился на меня сразу, как только я пошевелилась. Кража. Аэропорт. Полицейский. Чай в бумажном стакане. Хостел. Я села на кровати, и голова закружилась — то ли от резкого движения, то ли оттого, что я ещё не до конца проснулась.

Рядом на тумбочке лежал телефон. Я схватила его, как утопающий хватается за соломинку. Ни одного сообщения от подруг. Общий чат «Новогодний десант» молчал. Моё вчерашнее «Девочки, я в хостеле. Всё хорошо. Жду ваших новостей. Люблю вас» так и висело с одной серой галочкой — отправлено, но не доставлено. Значит, телефоны подруг

всё ещё были выключены. Или они уже приземлились, но ещё не включили? Или связь не ловила?

Я посмотрела на часы. Половина одиннадцатого утра. Они вылетели вчера около восьми вечера, перелёт — девять часов плюс разница во времени... Они должны были приземлиться часа три-четыре назад. Точно должны были.

Я набрала номер Маши. Тишина. Потом короткие гудки, и механический голос сообщил, что абонент недоступен. Женья — то же самое. Лера — то же самое.

— Да что ж такое, — прошептала я, чувствуя, как внутри разрастается холодная тревога.

Может, у них сели телефоны? Или они уже на пляже и забыли обо всём на свете? Или... я отогнала нехорошие мысли. С ними всё в порядке. Они просто отдыхают. Они же летели на море, к солнцу, а не в зону военных действий.

Я решила проверить онлайн-табло аэропорта. Нашла сайт, ввела номер рейса. Страница грузилась медленно, и я барабанила пальцами по экрану, чувствуя, как нервы натягиваются до предела.

Страница загрузилась. Я прочитала строку напротив нашего рейса и не поняла. Перечитала ещё раз.

«Статус: задержан».

Задержан. Что значит «задержан»? Самолёт вылетел вчера, я сама видела, как он поднимался в небо. Я видела его огни в сером вечернем небе. Он не мог быть задержан.

Может, это ошибка? Может, система не обновилась? Я об-

новила страницу. То же самое. «Задержан».

Я зашла на сайт аэропорта прибытия. Набрала номер рейса. Страница долго грузилась, потом выдала: «Информация отсутствует».

Сердце забилося быстрее. Я перезагрузила страницу, ввела данные ещё раз. То же самое. Никакой информации. Ни статуса «прибыл», ни «ожидается», ни даже «задержан». Пустота.

— Это просто технический сбой, — сказала я вслух, пытаясь убедить себя. В пустой комнате мой голос прозвучал глухо и неубедительно.

Я вышла из приложения и открыла новостную ленту. Обычно, если что-то случается с самолётом, новости появляются мгновенно. Я пролистала ленту — политика, экономика, происшествия в городе, скандал со знаменитостью. Ничего о пропавших самолётах.

— Видишь? — снова сказала я себе. — Ничего нет. Всё в порядке.

Я набрала номер Инги. Она ответила после первого гудка.

— Дашка? — голос у неё был сонный, но в нём слышалось беспокойство. — Ты чего так рано?

— Инга, ты новости смотрела? — спросила я, и в моём голосе, наверное, прозвучало что-то такое, отчего она мгновенно проснулась.

— Какие новости? Что случилось?

— Я смотрела табло. Рейс, на котором улетели девчон-

ки... он значится как задержанный. Хотя они вылетели вчера.

— Задержанный? — Инга замолчала на секунду. — Это какая-то ошибка. Может, сайт глючит. Ты звонила им?

— Не дозвониться. Телефоны недоступны.

— Ну так они в другой стране, роуминг, может, не подключили. Или спят после перелёта. Даш, не паникуй раньше времени.

— Я не паникую, — соврала я. — Просто... странно как-то.

— Слушай, я сейчас встану, включу телевизор, посмотрю новости. И тебе советую выключить этот чёртов сайт и заняться чем-нибудь нормальным. Ты завтракала?

— Нет ещё.

— Вот иди позавтракай. И перестань накручивать себя. С ними всё в порядке.

— Да, наверное, ты права, — сказала я, хотя внутри всё сжималось от дурного предчувствия.

— Я тебе перезвоню, — пообещала Инга и отключилась.

Я положила телефон на кровать и заставила себя встать. Ноги были ватными, голова тяжёлой. Я подошла к окну. Во дворе хостела было пусто — только припаркованные машины, засыпанные снегом, да чьи-то следы, ведущие к мусорным бакам. Небо было серым, тяжёлым, словно налитым свинцом.

Я умылась ледяной водой из крана в коридоре, наскоро

причесалась. Зеркало в ванной было мутным, старым, и моё отражение в нём казалось чужим — бледное лицо, растрёпанные волосы, красные глаза. Я выглядела как человек, который только что пережил катастрофу. Или готовится к ней.

Внизу, на первом этаже, была маленькая общая кухня. Я спустилась туда, надеясь найти хоть какой-то завтрак. В холодильнике стояла пачка йогурта с чьей-то надписью фломастером, пара яиц, пакет кефира. Я взяла йогурт, села за пластиковый стол и заставила себя есть. Кислый вкус, непривычный, почти противный. Но жевать было нужно — иначе голова совсем откажет.

На кухне работал маленький телевизор, прикрученный к стене. Шёл какой-то утренний канал — ведущие бодро обсуждали погоду на праздники, потом переключились на новости культуры. Я слушала вполуха, поглощая йогурт без всякого удовольствия.

Потом ведущий сказал: «А теперь к экстренным новостям».

Я подняла голову.

На экране появилась заставка — красная, тревожная. Ведущий, который только что улыбался, стал серьёзным.

— Поступила информация о том, что самолёт авиакомпании «Северные крылья», следовавший рейсом 7312 по маршруту... — он назвал наш город и тот самый курортный городок, — пропал с радаров. Связь с бортом была потеряна примерно через четыре часа после вылета. На борту находи-

лись...

Я перестала слышать. Мир сузился до одной точки — экрана телевизора, на котором бежала тревожная строка: «ПРОПАЖА САМОЛЁТА: СВЯЗЬ ПОТЕРЯНА».

Йогурт выпал у меня из рук и шлёпнулся на пол. Я не заметила. Я смотрела на экран, и буквы плыли перед глазами, складываясь в слова, которые не имели смысла. Не могли иметь смысла.

Пропал. Самолёт пропал. Самолёт, на котором летели мои подруги.

— Нет, — прошептала я. — Нет-нет-нет-нет-нет.

Я вскочила со стула, опрокинув его. Грохот, наверное, был слышен на весь этаж, но я не обратила внимания. Я схватила телефон и бросилась в свою комнату.

Пальцы дрожали так, что я едва попадала по экрану. Новостные сайты — все, какие только могла вспомнить. Я открывала их один за другим, и везде было одно и то же: «Самолёт пропал с радаров», «Связь потеряна», «Поисковая операция готовится».

— Этого не может быть, — твердила я, листая страницы. — Этого просто не может быть.

Я набрала номер Инги. Гудки. Один, второй, третий. Четвёртый. Пятый.

— Даш, я только что... — начала она, но я перебила.

— Ты видела новости? — мой голос сорвался на крик. — Ты видела?!

— Видела, — голос Инги был странно спокойным, словно она ещё не до конца осознала, что произошло. — Но это не значит, что...

— Самолёт пропал! Потеряна связь! Они летели на нём! Маша, Женя, Лера — они там!

— Даш, успокойся. Мы не знаем ещё...

— А что мы знаем?! — закричала я. — Что мы знаем, Инга?! Что они не отвечают на звонки, что самолёт исчез с радаров, что...

— Даша! — голос Инги стал твёрже. — Дай мне договорить. Сейчас в новостях только предварительная информация. Может быть, это технический сбой. Может быть, они уже сели, просто не выходят на связь. Ты же знаешь, как это бывает — паника, а потом оказывается, что всё в порядке.

— А если нет? — спросила я, и в голосе моём не было силы. Только страх.

— Если нет... — Инга запнулась. Я услышала, как она всхлипнула. — Если нет, мы будем ждать. И надеяться. Это всё, что мы можем.

Она плакала. Инга, которая никогда не плакала, которая была самой сильной из нас, которая всегда говорила «всё будет хорошо», — она плакала в трубку тихо, сдавленно, как будто боялась, что я услышу.

— Инга, — прошептала я, и слёзы наконец хлынули из моих глаз. — Инга, что же это такое?

— Не знаю, Даш. Не знаю.

Мы молчали. Я слышала её дыхание, чувствовала, как она пытается взять себя в руки. И не могла помочь. Потому что я сама рассыпалась на куски.

— Надо позвонить Кристине и Ольге, — наконец сказала Инга. — Они не знают. Кристина вчера была в больнице, они могли не видеть новости.

— Я позвоню, — сказала я. — Ты... ты как?

— Позвоню родителям, — голос Инги был глухим, словно она говорила из-под воды. — И в авиакомпанию. Узнаю, что известно.

— Я тоже позвоню.

— Даш, — она помолчала. — Ты там... ты одна. Ты как?

— Я не знаю, — честно ответила я. — Я не знаю, как я.

— Держись. Мы справимся.

Она отключилась, и я осталась одна в этой маленькой комнате с телефоном в руке, с мокрым лицом и с единственной мыслью, которая пульсировала в голове: они там. Они в том самолёте. Они там, и я здесь.

Я набрала номер авиакомпании. Горячая линия была перегружена — автоответчик вежливо сообщил, что все операторы заняты, и предложил ждать на линии. Я ждала. Минуту, две, пять. В наушнике играла приторная музыка, и я ненавидела её каждой клеткой своего тела.

Наконец, после десяти минут ожидания, раздался голос — женский, усталый, с нотками фальшивого спокойствия:

— Авиакомпания «Северные крылья», здравствуйте. Чем

я могу вам помочь?

— Рейс 7312, — выпалила я. — Вчера, 24 декабря, вылет из... в... Что с ним?

— Секунду, — оператор что-то щёлкнула. — Вы родственница пассажира?

— Да, — сказала я, и это было правдой, потому что подруги — это семья, которую выбираешь сам. — У меня там три подруги. Они летели этим рейсом.

— Ваше имя и данные пассажиров?

Я продиктовала. Оператор что-то долго вбивала в компьютер, и тишина в трубке становилась всё более зловещей.

— По предварительной информации, рейс 7312 не вышел на связь в установленное время, — наконец сказала она. — В настоящее время ведутся поисково-спасательные работы. Информация будет обновляться на нашем сайте. Рекомендую вам следить за новостями.

— Это всё? — спросила я, чувствуя, как во мне закипает бессильная ярость. — Вы не можете сказать мне ничего больше?

— На данный момент, к сожалению, нет. Приношу свои извинения. Если у вас есть дополнительные вопросы...

Я сбросила звонок. Сжимала телефон так, что побелели пальцы. Извинения. Они приносят извинения. Словно это какой-то технический сбой, словно я жалуюсь на задержку багажа.

Я заставила себя глубоко вздохнуть. Не сейчас. Сейчас

нужно позвонить Кристине и Ольге.

Кристина ответила не сразу. Я слышала в трубке больничный гул — голоса, шаги, где-то объявляли вызов врача.

— Даш? — голос у Кристины был слабым, но в нём чувствовалось удивление. — Ты чего? Поздно же.

— Крис, ты видела новости? — спросила я, стараясь говорить ровно.

— Новости? Нет, у меня тут телефона почти не было, я только сейчас его включила. А что случилось?

Я закрыла глаза. Сказать ей. Как сказать ей?

— Крис, самолёт... тот, на котором улетели Маша, Женя и Лера... он пропал. Потеряна связь. Его ищут.

Тишина. Такая долгая, что я испугалась, не отключилась ли связь.

— Крис? Ты слышишь?

— Слышу, — голос Кристины стал чужим, каким-то далёким. — Как пропал? Что значит пропал?

— Не вышли на связь. Исчез с радаров. В новостях говорят...

— Какие новости? — в голосе Кристины появилась истерическая нотка. — Даш, какие новости?! Они же летели... они же должны были прилететь...

— Должны были, — сказала я. — Я не знаю, что случилось. Я звонила в авиакомпанию, они ничего не говорят.

— А Маша? Женя? Лера? Ты им звонила?

— Не дозвониться. Телефоны недоступны.

Кристина зарыдала. Я слышала, как она плачет, как её голос ломается, как она пытается что-то сказать и не может. И я не могла её утешить, потому что сама была на грани.

— Крис, послушай, — сказала я, когда плач немного утих. — Ты сейчас в больнице?

— Да, меня только что осмотрели, сказали, что можно ехать домой. Ольга за мной приедет.

— Ты с ней свяжись. Вы вместе. И... не смотри новости. Пока не надо.

— Как я могу не смотреть? — всхлипнула она. — Они там...

— Я позвоню, как только что-то узнаю. Хорошо? Ты сейчас нужна себе. Ты после аварии. Береги себя.

— Даш, — она вдруг замолчала, а потом спросила тихо-тихо: — А если бы ты полетела? Если бы тебя не обокрали? Ты была бы с ними.

Слова ударили меня, как пощёчина. Я открыла рот, но не смогла ничего сказать. Потому что она была права. Если бы меня не обокрали, я была бы в том самолёте. Я сидела бы рядом с Машей, или с Женей, или с Лерой. Я была бы там.

— Крис, — выдавила я наконец. — Я сейчас не могу об этом думать. Пожалуйста.

— Прости, — она всхлипнула. — Прости, я не хотела...

— Всё нормально. Позвони Ольге. И держитесь вместе.

Я сбросила звонок и уставилась в стену.

«Если бы тебя не обокрали, ты была бы с ними».

Слова Кристины вонзились в мозг и не отпускали. Я прокручивала их снова и снова, и с каждым разом они звучали всё громче, всё невыносимее.

Я была должна быть там. Я должна была стоять у стойки регистрации вместе со всеми, сдать багаж, пройти досмотр, сесть в кресло у иллюминатора и смотреть, как город уходит вниз, как огни становятся точками, как облака закрывают всё. Я должна была пить шампанское на борту, смеяться с подругами, засыпать под гул двигателей, а проснуться над океаном, где в иллюминатор видно бесконечную синеву.

Я должна была быть там.

Но меня обокрали. Какой-то вор, который шёл за мной в толпе, который резанул лезвием по коже моей сумки, который вытащил мои документы, мой билет, мои деньги. Он украл у меня не просто вещи. Он украл у меня шанс быть с ними.

Или спас мне жизнь?

Мысль пришла внезапно, холодная и острая, как тот самый разрез на сумке. Если самолёт пропал — если он упал, если с ним что-то случилось, если никто не выжил... то я должна быть благодарна вору. Потому что он спас меня. Он вытащил меня из самолёта, который, возможно, уже никогда не приземлится.

Я вскочила с кровати. Меня затошнило. Я не могла, я просто не могла думать об этом. Не могла быть благодарна за то, что осталась жива, когда мои подруги...

Я бросилась в ванную, едва успела к унитазу. Меня выворачивало наизнанку, хотя желудок был пуст. Я стояла на коленях на холодном кафельном полу, дрожала и чувствовала, как слёзы смешиваются с горечью во рту.

Потом я долго сидела на полу, прислонившись спиной к стене. Вода в трубах шумела, где-то наверху хлопнула дверь, и я слышала, как кто-то спускается по лестнице. Жизнь вокруг продолжалась. Люди просыпались, пили кофе, собирались на работу, думали о своих делах. А я сидела на полу в ванной комнате дешёвого хостела и пыталась осознать, что мир только что раскололся надвое.

Я достала телефон. Руки всё ещё дрожали. Надо позвонить Ольге.

Ольга ответила после второго гудка.

— Даша? — её голос был настороженным. — Что-то случилось?

— Ты не знаешь? — спросила я, хотя ответ уже знала.

— Я только что вышла от Кристины, в машине. Что-то с Машей? С самолётом?

— Оль, — я закрыла глаза. — Самолёт пропал. Он не вышел на связь. Его ищут.

Тишина. Потом глухой удар — Ольга, наверное, стукнула рукой по рулю.

— Не может быть, — сказала она, и в её голосе не было слёз, только какая-то дикая, нечеловеческая сдержанность. — Не может быть, чтобы...

— Я звонила в авиакомпанию. Они подтвердили. Поисковая операция.

— А Маша? Женя? Лера? Ты с ними говорила?

— Нет. Телефоны не работают.

— Значит, неизвестно ничего, — твёрдо сказала Ольга.

— Пока ничего не известно. Может быть, они сели где-то, может, у них аварийная посадка, но все живы. Мы не знаем.

— Оль...

— Мы не знаем, Даша. — Голос её дрогнул, но она взяла себя в руки. — Мы не знаем. И пока не узнаем точно, мы не будем хоронить их раньше времени. Поняла?

Я кивнула, хотя она не могла этого видеть.

— Поняла.

— Я сейчас заберу Кристину, привезу её к себе. Ты где?

— В хостеле. Возле аэропорта.

— Держись там. Я позвоню, как что-то узнаю. И ты звони, если будут новости.

— Хорошо.

Она отключилась, и я снова осталась одна. Встала с пола, умылась ледяной водой, посмотрела на себя в зеркало. Бледная, с красными глазами, с трясущимися губами. Я не узнавала себя. Это была не я — не Даша, которая три дня назад выбирала купальник в интернет-магазине, не Даша, которая пила кофе в кафе с подругами и смеялась над Кристинным ворчанием. Это была какая-то другая Даша. Та, которая осталась. Та, которая выжила.

«Если бы меня не обокрали, я была бы с ними».

Мысль вернулась и снова впиалась в мозг. Я вышла из ванной, села на кровать, обхватила колени руками. Я раскачивалась вперёд-назад, как делала в детстве, когда было страшно или больно. И сейчас было и страшно, и больно. Страшно за них. Больно за себя.

Почему я? Почему именно меня обокрали? Почему я осталась, а они улетели? Почему я здесь, в этой убогой комнате, а они — там, над океаном, в самолёте, который исчез?

Я думала о том дне в кафе. Как мы смеялись. Как Инга подмигивала, обещая сюрприз. Как Маша торопила нас, говорила, что надо поторопиться, иначе билетов не будет. Как Женька мечтала о солнце. Как Лера смеялась, и смех её разносился по всему кафе.

А теперь Женька, Лера и Маша — там. А Инга — здесь, как и я. И Кристина с Ольгой — тоже здесь. Четыре оставшиеся. Те, кто не сел в тот самолёт.

Я взяла телефон, открыла чат «Новогодний десант». Сообщения, которые мы писали друг другу, казались теперь такими далёкими, такими наивными. «А ты купальник какой взяла?», «Не забудь пауэрбанк!», «А в отеле фен есть?». Мелочи. Всё, о чём мы волновались, все эти мелочи — они ничего не значили.

Я написала в чат: «Девочки, я люблю вас. Пожалуйста, дайте знать, что вы в порядке». Отправила. Серые галочки. Не прочитано.

Потом я набрала сообщение отдельно Маше, Жене, Лере. Каждой. Одно и то же: «Я здесь. Жду. Позвоните, когда сможете». Отправила. Никакого ответа.

Телефон задребезжал — входящий звонок. Инга.

— Даш, — голос у неё был заплаканным, но ровным. — Я связалась с родственниками. Никто ничего не знает. Авиакомпания разослала уведомления, собирают всех в аэропорту.

— В каком?

— В нашем. Откуда вылетели. Говорят, там будет координационный центр для семей.

— Я приеду, — сказала я, даже не думая.

— Даш, ты там одна, ты...

— Я приеду, Инга. Я должна быть там.

Она помолчала, потом сказала:

— Хорошо. Я тоже приеду. Встретимся там.

— А Кристина и Ольга?

— Я им позвоню. Кристину только выписали, она не должна...

— Позвони. Скажи, что мы будем там. Если они смогут — пусть приедут. Если нет... мы расскажем.

— Хорошо. Даш, — голос Инги снова дрогнул. — Держись.

— Ты тоже.

Я сбросила звонок и вдруг вспомнила о визитке, которая лежала в кармане куртки. Алексей. Полицейский, который

вчера помог мне. Я вытащила визитку, посмотрела на номер. Зачем я смотрю на неё? Что я ему скажу? «Здравствуйте, это Даша, та самая девушка с порезанной сумкой. Мои подружки пропали. Помогите»? Он не сможет помочь. Он полицейский в аэропорту, а не спасатель.

Я убрала визитку обратно в карман. Потом достала снова. Набрала номер, не успев передумать.

Гудки. Один, два, три.

— Воронов, — раздался в трубке знакомый низкий голос.

— Алексей? Это Даша. Та девушка... из аэропорта. С сумкой.

— Даша, — он сказал моё имя так, будто ждал этого звонка. — Я видел новости. Ваши подружки...

— Да, — перебила я, потому что если бы он произнёс слово «пропали» или что-то в этом роде, я бы сломалась. — Я еду в аэропорт. Там собирают родственников.

— Я знаю. Я сегодня не дежурю, но... вы хотите, чтобы я встретил вас?

Я замерла. Я не знала, хочу ли. Я не знала, имею ли право просить его о чём-то ещё после того, что он уже сделал. Но в его голосе было что-то такое, отчего я чувствовала себя в безопасности. Впервые за этот ужасный день.

— Если вам не трудно, — сказала я. — Я... я не знаю, что там будет. И мне страшно.

— Я понял. Приезжайте. Я буду у входа.

— Спасибо.

— Не за что, Даша.

Он отключился, и я осталась сидеть с телефоном в руке. За окном по-прежнему было серое зимнее небо, но в груди вдруг стало чуть теплее. Не потому, что я поверила в чудо. А потому, что я поняла: я не одна.

Я поднялась, натянула куртку, сунула в карман временное удостоверение, телефон, визитку. Сумку с порезом я оставила на кровати — не могла на неё смотреть. Взяла только маленький рюкзак, который чудом остался нетронутым.

Выходя из комнаты, я бросила последний взгляд на окно. За ним, где-то далеко, за облаками, над океаном, был самолёт. И в нём были они. И я, сколько бы себя ни винила, не могла ничего изменить.

— Я люблю вас, — прошептала я в пустоту. — Пожалуйста, держитесь.

И вышла в коридор.

Внизу, у стойки администратора, я спросила, как быстрее добраться до аэропорта. Мне объяснили, что можно на автобусе, но лучше на такси — быстрее. Денег у меня почти не было, только мелочь, оставшаяся в рюкзаке. Я вспомнила, что Алексей оплатил хостел на двое суток. Я даже не спросила, сколько это стоило. Надо будет обязательно вернуть.

— Девушка, вы в порядке? — спросила администраторша, женщина лет пятидесяти с усталым лицом. — Выглядите вы неважно.

— Самолёт пропал, — сказала я, и это прозвучало как

бред, как слова сумасшедшей. — Там мои подруги.

Её лицо изменилось. Она посмотрела на меня с сочувствием, которое я не могла вынести.

— Такси вызвать? — спросила она.

— Пожалуйста.

Она набрала номер, сказала адрес. Я стояла у двери и смотрела на улицу. Снег перестал, но было холодно, и ветер гнал по земле мелкую снежную крупу.

— Через пять минут будет, — сказала администраторша.
— Вы по стойте в коридоре, на холоде не ждите.

Я кивнула, но осталась у двери. Мне нужно было видеть улицу, видеть, как едут машины, как идут люди, как живёт этот мир, который для меня остановился.

Через пять минут подъехала жёлтая машина. Я вышла, села на заднее сиденье. Таксист, молодой парень в шапке с помпоном, обернулся:

— В аэропорт?

— Да.

— У вас там, говорят, самолёт пропал, — сказал он, заводя мотор. — Ужас какой. Моя тётка вчера как раз на этом рейсе должна была лететь, но опоздала на регистрацию. Сказала — судьба.

Я посмотрела на него. На его тётку, которая опоздала. На меня, которую обокрали. На Ингу, которую не отпустил начальник. На Кристину и Ольгу, которые попали в аварию.

Четыре женщины, которые не сели в тот самолёт. Четыре

судьбы, которые оборвались на земле, пока три других ушли в небо и исчезли.

— Да, — сказала я тихо. — Судьба.

Таксист что-то говорил, но я уже не слушала. Я смотрела в окно на серый город, на витрины магазинов, украшенные к Новому году, на ёлки, которые стояли во дворах, и думала только об одном: «Если бы меня не обокрали, я была бы с ними».

И я не знала, считать ли это везением или проклятием.

Машина остановилась у здания аэропорта. Я расплатилась — все деньги, которые были, и вышла. Стеклопакетные двери, ёлка у входа, люди с чемоданами, дети, бегающие по залу. Всё как вчера. И совсем не так.

У входа стоял Алексей. В джинсах, тёмном пуховике, без формы. Я чуть не прошла мимо — так он отличался от вчерашнего полицейского. Но он увидел меня, шагнул навстречу.

— Даша, — сказал он, и его голос был таким же спокойным, как вчера. — Идёмте.

Я посмотрела на него, и вдруг поняла, что у меня больше нет сил держаться. Слезы хлынули снова, и я закрыла лицо руками, чтобы не видеть, как смотрят прохожие.

Алексей не сказал ни слова. Он просто взял меня за руку — крепко, уверенно — и повёл внутрь. В здание, где вчера всё начиналось. И где сегодня, возможно, всё заканчивалось.

Я шла за ним, сжимая его ладонь, и думала о том, что,

если бы меня не обокрали, я была бы с ними. Но меня обокрали. И теперь я здесь, с ним, в этом аэропорту, который стал для меня местом не вылета, а ожидания.

Ожидания чуда, которого, возможно, не случится.

Глава 3

Аэропорт встречал нас тем же гулом, что и вчера, но теперь этот гул звучал иначе. Вчера это был обычный предпраздничный шум — люди спешили к стойкам регистрации, смеялись, обнимались, пили кофе в ожидании своих рейсов. Сегодня тот же самый шум казался мне приглушённым, каким-то больным. Словно всё здание затаило дыхание, ожидая новостей, которые могли перевернуть тысячи жизней.

Мы вошли через главный вход, и я сразу заметила, что в зале прибавилось людей в форме. Не только полицейские — были и сотрудники авиакомпании в синих жилетах, и люди в штатском с серьёзными лицами, которые переговаривались вполголоса, склонившись над планшетами. У стоек информации выстроилась очередь — человек двадцать, не меньше. Некоторые держались спокойно, другие плакали, третьи стояли с каменными лицами, словно боялись показать свои эмоции.

— Сюда, — Алексей потянул меня за руку, и я послушно пошла за ним, хотя ноги почти не слушались.

Он провёл меня мимо основной толпы, в боковой коридор, где было чуть тише. Здесь тоже были люди — несколько женщин сидели на пластиковых стульях, сжимая в руках телефоны. Одна из них, пожилая, с седыми волосами, тихонько плакала, прижимая к груди сумочку. Рядом с ней сидела

девушка, моя ровесница, и смотрела в одну точку, не моргая.

— Здесь организовали комнату для семей, — тихо сказал Алексей. — Но туда сейчас, наверное, много народу. Может, постоим здесь?

Я кивнула. Мне не хотелось идти в комнату, где соберутся такие же потерянные, как я, люди. Я не могла смотреть на чужую боль, потому что своя была слишком огромной, чтобы вместить ещё что-то.

— Мне нужно на табло, — сказала я, и голос мой прозвучал глухо, словно из-под воды. — Я должна видеть.

Алексей посмотрел на меня, и в его глазах я прочитала непонимание. Зачем смотреть на табло, если там всё равно ничего не изменится? Но он не стал спорить.

— Хорошо. Пойдём.

Мы вернулись в главный зал. Я подошла к огромному электронному табло, которое висело над стойками регистрации, и подняла голову. Строки бежали одна за другой — рейсы, направления, время вылета, статус. Я нашла наш рейс. Тот самый. 7312.

«Задержан».

Всё то же слово. Никаких изменений. Ни «прибыл», ни «отменён», ни даже «потеряна связь». Просто «задержан». Словно самолёт мог вот-вот вылететь, просто немного опаздывает.

Я смотрела на эти буквы, и они расплывались перед глазами. «Задержан». Какое обманчивое слово. Оно обещает,

что всё ещё может наладиться. Что нужно просто подождать. Что задержка — это временно.

— Даша, — Алексей коснулся моего плеча. — Вы уже полчаса здесь стоите.

Полчаса? Мне казалось, прошло всего несколько минут. Я перевела взгляд на него, потом снова на табло. Строка с нашим рейсом никуда не делась. Она висела там, насмехаясь надо мной.

— Я не могу уйти, — сказала я. — А вдруг что-то изменится? Вдруг появится информация?

— Информация появится в новостях. Или вам позвонят из авиакомпании. Стоять здесь и смотреть на табло...

— А что мне делать? — я повернулась к нему, и в голосе моём прозвучала злость. Не на него — на весь мир, который продолжал жить, пока мои подруги висели где-то над океаном, неизвестно где, неизвестно как. — Что мне делать, Алексей? Вернуться в хостел и ждать? Сидеть в четырёх стенах и смотреть в потолок? Здесь я хотя бы вижу... я хотя бы...

Я не закончила. Потому что не знала, что именно я здесь вижу. Людей, которые так же, как я, ждут. Табло, которое врёт. Или говорит правду, но я не хочу её слышать.

— Идёмте, — он взял меня за руку и мягко, но настойчиво повёл прочь от табло. — Вам нужно поесть и отдохнуть. Вы на ногах не стоите.

— Я не хочу есть.

— Я знаю. Но нужно.

Мы вышли из главного зала и направились к выходу. По пути я заметила, что в аэропорту появились камеры — телевизионщики устанавливали оборудование у стоек информации, брали интервью у людей. Женщина с микрофоном, в идеальном костюме, с профессиональной улыбкой, говорила что-то в камеру. Я отвернулась. Мне не хотелось быть частью этого спектакля.

На улице было холодно, и снег, который вчера казался мне красивым, сегодня бил в лицо мелкими злыми иголками. Алексей подвёл меня к своей машине — той же серой, с синими полосами — и открыл дверцу.

— Садитесь.

Я села, и он обошёл машину, занял водительское место. Завёл двигатель, включил печку на полную мощность.

— Куда мы едем? — спросила я, глядя на заснеженное стекло.

— Для начала — поедем, пообедаем. Вы ведь даже не завтракали, я прав?

Я промолчала. Он был прав. Йогурт, который я съела утром, вылетел обратно в ванной.

— Потом... — он замялся, — у меня есть предложение. Я понимаю, что мы почти не знакомы, и вы можете отказаться, но... я хочу вам помочь. У меня есть свободная комната. Если хотите, можете пожить у меня. Пока не решите, что делать дальше.

Я повернулась к нему. Он смотрел на дорогу, но я видела, как напряглись его руки на руле.

— Зачем вам это? — спросила я. — Вы меня не знаете. Я для вас — случайная девушка из аэропорта.

— Случайная девушка из аэропорта, — повторил он, и в голосе его прозвучала лёгкая усмешка. — У которой пропали подруги. Которая осталась одна в чужом городе. И которая смотрит на табло с таким лицом, что сердце разрывается.

Я не нашлась, что ответить.

— Я не предлагаю ничего, кроме крыши над головой, — добавил он. — И возможности не сидеть в хостеле, где стены тонкие, а соседи громкие. Вы сможете побыть одна, если захотите. Или поговорить, если захотите. Я... я знаю, что такое ждать.

— Вы ждали? — спросила я.

Он помолчал, потом кивнул.

— Давно. Друг. Попал в аварию, несколько дней был в коме. Я тогда каждый час звонил в больницу, каждую минуту смотрел на телефон. И понимал, что ничего не могу сделать. Только ждать. И это... это хуже всего. Бессилие.

Я смотрела на его профиль, на тени, которые падал на его лицо от уличных фонарей, и чувствовала, как внутри что-то постепенно оттаивает. Не страх — он остался. Не боль — она стала только острее. Но к ним добавилось что-то ещё. Тепло. Обычное человеческое тепло, которое исходило от этого человека, который сидел рядом и говорил такие простые, такие

правильные слова.

— Ваш друг поправился? — спросила я.

— Поправился. — Он улыбнулся краем губ. — Сейчас у него жена, двое детей, и он каждый Новый год зовёт меня в гости, чтобы напомнить, что жизнь продолжается.

— И вы ходите?

— Хожу. Потому что он прав.

Машина ехала по заснеженным улицам. Я смотрела в окно и впервые за сегодня заметила, что город украшен к празднику. На столбах висели гирлянды, витрины магазинов сверкали разноцветными огнями, у входа в торговый центр стояла огромная ёлка, вся в игрушках и лампочках. Дети катались с горки, построенной прямо во дворе, их смех был слышен даже сквозь закрытые окна машины.

Мир продолжал жить. Для кого-то этот день был обычным предпраздничным днём, полным суеты и радости. Для меня он стал днём, когда время остановилось.

— Красиво, — сказала я, и это прозвучало как издевательство над собой.

— Да, — Алексей бросил взгляд на ёлку. — Каждый год город наряжается, а я всё думаю — зачем? Новый год и так придёт, с ёлкой или без. Но люди любят праздник. Любят верить, что всё будет хорошо.

— А вы верите?

Он не ответил сразу. Мы остановились на светофоре, и он повернулся ко мне.

— Я верю в людей. В их силу. В то, что они могут выдержать больше, чем думают. И в то, что надежда умирает последней.

— Даже когда самолёт пропал над океаном?

— Даже тогда.

Светофор переключился на зелёный, и мы поехали дальше. Я откинулась на спинку сиденья и почувствовала, как усталость наваливается с новой силой. Вчера я почти не спала, сегодня не ела, и организм начинал сдавать.

— Вы сказали, что в отделении ждут новостей, — вспомнила я. — Многие сотрудники задерживаются?

— Да. Сейчас основная задача — оповещение родственников, координация с авиакомпанией, помощь в организации центра поддержки. Несколько наших ребят работают в аэропорту круглосуточно.

— И вы? Вы тоже там?

— Я сегодня не дежурю. Меня вызвали утром, но я... — он запнулся, — я попросил, чтобы меня освободили. Сказал, что есть дела.

Я посмотрела на него с удивлением. Он отказался от работы, чтобы быть со мной? Чтобы отвезти меня в аэропорт, чтобы забрать оттуда, чтобы предложить жильё?

— Вы не должны были, — сказала я.

— Должен, не должен, — он повторил свою вчерашнюю фразу. — Я сам решил. И потом, там сейчас много людей, а вы — одна.

— У меня есть Инга, Кристина, Ольга, — возразила я, хотя понимала, что они далеко, и они сейчас такие же растерянные, как я.

— Они далеко. А я рядом.

Эти простые слова — «я рядом» — прозвучали так, будто он пообещал мне что-то большее, чем просто временную помощь. Я не знала, что это было. Может быть, обычная человеческая доброта, которую я не привыкла принимать. Может быть, что-то ещё.

Машина остановилась у небольшого кафе, спрятанного во дворах. Над входом горела вывеска, в окнах горел тёплый жёлтый свет, и изнутри доносилась приглушённая музыка.

— Здесь хорошо кормят, — сказал Алексей, выключая двигатель. — И тихо. Никто не будет мешать.

Мы вошли внутрь, и я почувствовала запах свежей выпечки и кофе. Кафе было почти пустым — за одним столиком сидела пара, за другим — мужчина с ноутбуком. Нас встретила улыбчивая официантка и провела к столику у окна.

— Что будете? — спросила она.

Я растерянно посмотрела на меню. Еда казалась чем-то из другой реальности. Как можно есть, когда они там?

— Суп, — сказал Алексей, глядя на меня. — И что-нибудь тёплое. Чай. Или какао.

— Какао, — выдохнула я, и это слово прозвучало по-детски, почти жалобно.

— Два супа, два какао, — заказал он.

Официантка ушла, и мы остались одни. За окном темнело, и снегопад, который начался ещё утром, усилился. Крупные хлопья падали на землю, укрывая её белым пушистым одеялом. Город преображался, становясь похожим на открытку. Красиво. Празднично. И так не вовремя.

— Расскажите о них, — попросил Алексей.

— О ком?

— О подругах. Которые улетели.

Я подняла на него глаза. Обычно люди боятся спрашивать о таких вещах. Боятся причинить боль. Но он спросил прямо, и в его взгляде не было любопытства — только желание понять.

— Маша, — начала я, и голос мой дрогнул. — Она у нас главный организатор. Всегда всех собирает, всех торопит. Если бы не она, мы бы, наверное, никогда никуда не поехали. Она... она не умеет сидеть на месте. Ей всегда нужно движение, новые места, новые впечатления.

Я замолчала, глядя на скатерть. Пальцы теребили край салфетки.

— Женя, — продолжила я. — Она тихая, спокойная. Всегда всех выслушает, никогда не осудит. Она как... как стена, за которой можно спрятаться, когда страшно. И при этом она мечтательница. Всё время говорит, что хочет увидеть мир. Говорит, что мы слишком много времени проводим в городе, а надо летать, путешествовать, смотреть.

Я усмехнулась, вспомнив её восторженные рассказы о

дальних странах.

— А Лера? — спросил Алексей.

— Лера — душа компании, — я улыбнулась, и эта улыбка была горькой. — Она всегда смеётся, всегда шутит. Даже когда всё плохо, она найдёт способ разрядить обстановку. Помню, как мы сдавали сессию в универе, все были на взводе, а она пришла с воздушными шариками и сказала: «Девчонки, это просто экзамен. Мы не на войне». И всем сразу стало легче.

Я замолчала, потому что слёзы снова подступили к горлу. Алексей молчал, не торопил меня. Официантка принесла суп и какао. Я смотрела на тарелку, и пар поднимался над бульоном, исчезая в воздухе.

— Они должны были встретить Новый год на море, — сказала я. — Мы все должны были. Но Ингу не отпустили с работы, Кристина с Ольгой попали в аварию, а меня обокрали. Четыре из семи остались. А три... три полетели. И теперь...

Я не смогла закончить.

— Вы вините себя, — сказал Алексей. Не спросил, а утвердил.

Я подняла на него глаза.

— А вы бы не винили? Если бы меня не обокрали, я была бы с ними. Я сидела бы в том самолёте. Может быть, я смогла бы что-то сделать. Или... или я была бы там, и они не были бы одни. А теперь они там, а я здесь, и я ничего не могу.

— Вы не знаете, что там произошло, — мягко сказал он.
— Может быть, всё обойдётся. Может быть, они сядут на запасном аэродроме, и через пару часов вы будете смеяться над своими страхами.

— Вы сами в это верите? — спросила я, и в голосе моём прозвучала горечь.

Он помолчал.

— Я верю, что надо ждать. И надеяться. Потому что, если перестать надеяться, остаётся только пустота. А пустота никому не нужна.

Я взяла ложку и заставила себя сделать глоток супа. Горячий бульон обжёг губы, но это было даже приятно. Я почувствовала, как тепло растекается по телу, возвращая меня к жизни, которую я почти уже покинула.

— Ешьте, — сказал Алексей. — Вам нужно набраться сил.

Я ела молча, а он смотрел на меня, иногда отвлекаясь на свой суп. За окном продолжал падать снег, и город зажигал огни. Витрины, гирлянды, ёлки — всё это было таким ярким, таким нарядным, таким... нормальным. А я чувствовала себя ненормальной. Словно выпала из времени.

— Я подумал, — сказал Алексей, когда мы закончили, — может, вам стоит связаться с психологической службой, которую организовали при аэропорту. Там работают специалисты, они помогают семьям...

— Я не семья, — перебила я. — Я просто подруга. У них есть родители, мужья, дети. А я...

— Вы их любите, — сказал он. — Этого достаточно.

Я посмотрела на него и вдруг поняла, что он говорит правду. Любовь не измеряется степенью родства. Я любила Машу, Женю и Леру так же сильно, как своих кровных сестёр. Может быть, даже сильнее. Мы прошли через всё вместе — учёбу, работу, расставания, потери. Мы были семьёй, которую выбрали сами.

— Я позвоню, — пообещала я. — Но не сегодня. Сегодня я не могу.

— Хорошо. Тогда поедem ко мне. Отдохнёте, выспитесь.

— Алексей, — я помедлила. — Я не знаю, правильно ли это. Мы почти не знакомы, а я...

— А вы — девушка, которой нужна помощь, — закончил он. — И я могу эту помощь оказать. Всё просто.

Он расплатился, не дав мне и рта раскрыть, и мы вышли на улицу. Снег всё ещё шёл, и город утопал в белой пелене. Фонари светили сквозь снежную крупу, и огни гирлянд отражались в мокром асфальте. Это было красиво. Почти волшебно.

— Когда я была маленькой, — сказала я, глядя на падающий снег, — я верила, что если идти по снегу в новогоднюю ночь, можно встретить чудо. Просто так, посреди улицы. Оно придёт и заберёт тебя в сказку.

— А сейчас? — спросил Алексей.

— Сейчас я не знаю, во что верить. В чудеса? Они случаются только в кино. В людей? Я не уверена. В судьбу? Она

почему-то решила, что я должна остаться здесь, а они улететь. И я не знаю, это была милость или жестокость.

— Может быть, ни то ни другое, — он открыл дверцу машины, помогая мне сесть. — Может быть, это просто случайность. А мы сами решаем, как к ней относиться.

Мы поехали. Я смотрела в окно на украшенный город, на ёлки в витринах, на снеговиков, которых слепили дети, на счастливые лица прохожих, которые спешили домой с покупками. Для них ничего не изменилось. Для меня изменилось всё.

— Алексей, — сказала я, когда мы остановились на светофоре. — Вы не бойтесь, что я... что я принесу в ваш дом эту боль? Что вы будете смотреть на меня и думать о том, что случилось?

Он повернулся ко мне, и в свете уличных фонарей я увидела его лицо — спокойное, внимательное, без тени жалости.

— Вы не приносите боль, Даша. Боль уже есть. Вы просто... вы просто человек, которому нужно место, где можно переждать бурю. Я могу дать вам это место. А остальное — неважно.

Я хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Вместо этого я просто кивнула и снова уставилась в окно.

Машина свернула во двор, и мы остановились у типичной многоэтажки — серой, панельной, с облупившейся краской на подъездах. Но в окнах горел свет, и это был уютный, живой свет.

— Это здесь? — спросила я.

— Да. Пятый этаж, лифт работает. — Он заглушил двигатель и посмотрел на меня. — Я не буду предлагать вам остаться, если вы не хотите. Но я буду рад, если вы согласитесь.

Я вышла из машины, подняла голову к небу. Снежинки падали на лицо, таяли на щеках, смешиваясь со слезами, которые я больше не могла сдерживать. Я плакала тихо, беззвучно, и Алексей не пытался меня утешить. Он просто стоял рядом и ждал.

— Пойдёмте, — сказала я наконец, вытирая лицо рукавом куртки. — Пойдёмте.

В подъезде было тепло, пахло чем-то старым, домашним. Лифт поднимался медленно, и я смотрела на цифры этажей, которые загорались одна за другой. Пятый.

Алексей открыл дверь, пропуская меня вперёд. Я вошла в маленькую прихожую, где пахло кофе и деревом. В квартире было темно, но он щёлкнул выключателем, и загорелся мягкий свет.

— Вот, — он провёл меня в гостиную, — располагайтесь. Комната напротив, я уже приготовил. Чистое бельё, полотенца. Ванная слева.

Я огляделась. Квартира была небольшой, но уютной. На стенах висели фотографии — горы, море, какое-то старое здание. На полке — книги, статуэтки, пара сувениров. В углу стояла ёлка — небольшая, искусственная, но наряженная.

— Вы ставите ёлку? — спросила я, и это прозвучало так нелепо.

— Мать заставила, — он усмехнулся. — Сказала, что если я не наряжу ёлку, Новый год не наступит. А я в этом году, видимо, был не очень послушным сыном, потому что ёлку нарядил, а Новый год всё равно какой-то... не такой.

Я подошла к ёлке, посмотрела на игрушки. Старые, разноцветные, некоторые — явно из детства. На верхушке висела звезда, чуть кривая, но оттого ещё более трогательная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.